

Слова Сун Чжиши грянули подобно взрыву.

Больше всех опешил Сун Чжимин. Он-то надеялся, что кузен станет отчаянно отрешиваться от своего происхождения, и тогда можно будет прилюдно вывалить все доказательства. Вот тогда бы тот опозорился по-настоящему: мало того что из неблагонадёжных, так ещё и лжец.

Сун Чжиши, видя замешательство толпы, заговорил громче, уверенно чеканя слова:

— Мой дед всегда поддерживал дело революции. Наша текстильная фабрика дала работу тысячам простых людей... Он был национальным капиталистом, а не эксплуататором! В годы войны наша семья пожертвовала фронту продовольствия и оружия на восемьсот тысяч юаней. А в день провозглашения Китайской Народной Республики дедушку лично принимали вожди партии...

И теперь этот старик томился в заключении, а судьба его оставалась неизвестной.

Сун Чжиши на мгновение прикрыл глаза. Когда он снова поднял взгляд, его ресницы дрожали, а глаза повлажнели:

— С самого рождения я рос без отца. Он погиб на передовой, защищая родину. Наша семья чиста перед небом, землёй и своим народом...

К этому моменту большинство собравшихся уже поняли, к чему клонит юноша. Трудные, жестокие годы оставили неизгладимый след в памяти целого поколения. Перенесённые испытания и былые обиды въелись в плоть и кровь каждого, кто стоял здесь.

Глядя на хрупкого, но полного достоинства юношу с покрасневшими от подступающих слёз глазами, люди невольно сопереживали ему. Поймав растерянный, испуганный взгляд Сун Чжимина, Сун Чжиши спросил, чеканя каждое слово:

— Так по какому же праву ты клеймишь меня вражеским отродьем?

Под этим пронзительным, видящим насквозь взглядом Сун Чжимин невольно попятился. В глазах толпы это выглядело как молчаливое признание вины.

Наконец кто-то в толпе не выдержал и прикрикнул на подстрекателя:

— Заткнулся бы ты! Товарищ Сун — сын героя, павшего за родину! Он имеет полное право поступать в ансамбль песни и пляски!

— И то верно! Если уж ему нельзя, то кому тогда можно? Нельзя плевать в душу тем, кто проливал за нас кровь!

— Да кто он вообще такой? С чего вдруг вылез тут с этими бреднями и грязными поклёпами?

Толпа легко поддавалась общему порыву. Стоило одному заступиться за Сун Чжиши, как поднялся гул возмущения. Люди наперебой принялись стыдить Сун Чжимина, костеря его за подлость и гнилой характер.

Сун Чжиши едва заметно усмехнулся.

«Победа, но этого мало»

Чжимин заварил эту кашу, но последнее слово будет не за ним.

Тяжело вздохнув, юноша сокрушённо покачал головой и обратился к Чжимину с горькой усмешкой:

— Я знаю, что ты меня недолюбливаешь. Но не забывай: мы ведь носим одну фамилию. Из одного корня выросли... Правда ведь, старший братец?

Слова эти произвели эффект разорвавшейся петарды.

Толпа так и ахнула.

Выходит, они родня? И родной брат топит младшего?

Взгляды, устремлённые на Сун Чжимина, вмиг переменились. Гнев уступил место глубочайшему презрению.

— Да нет же! Всё совсем не так! — багровея, заверещал Сун Чжимин, пытаясь оправдаться перед обступившими его людьми.

А ведь у него были свои счёты к Сун Чжиши.

Когда главная ветвь семьи Сун купалась в роскоши, его семье не перепало ни крошки. С детских лет он завидовал дедовым братьям, которые шиковали в провинциальной столице. Его же собственному деду, рождённому от наложницы, пришлось всю жизнь прозябать в этой Богом забытой глухомани Хэло.

Он никогда не забудет свой первый визит в Старое поместье семьи Сун. Слуги косились на их семью свысока, словно за версту чуяли нищету, которая никак не вязалась с великолепием огромного особняка. Даже лакеи смели выказывать им пренебрежение! А ведь они носили ту же фамилию, были частью той же семьи.

После той поездки Чжимин зарёкся переступить порог усадьбы. Но судьба распорядилась иронично: когда началась сложная эпоха, именно бедность спасла их. Семья Чжимина в одночасье превратилась в образцовых бедняков в третьем поколении — с безупречной по тем временам анкетой.

И вот теперь, видя, как спесивые столичные господа покатались по наклонной, он просто не мог удержаться от злорадства. Желание уколоть кузена побольнее затмило всякий разум, заставив вывалить эту глупую клевету.

«Ишь, как запел», — мысленно усмехнулся Сун Чжиши.

Хоть ветвь Чжимина и отпочковалась давно, во времена процветания Сунов его родня частенько наезжала к ним поклониться денег. Иначе с чего бы Чжиши вообще помнил лицо этого кузена?

Сун Чжимин растерял белую спесь, но отступать не желал и продолжал огрызаться:

— Моя семья — не чета вашей! Мы три поколения землю пахали! И вообще, я в ваш ансамбль песни и пляски не нанимался, так что моя анкета тебя не касается!

Сун Чжиши, не повышая голоса, но так, чтобы его услышал каждый стоящий в очереди, парировал:

— Твоя правда, разделились мы давно. Но всё же зря ты не подал документы, братец. Я помню, твоя бабка в своё время в Башне Пьянящих Цветов так славно пела — на всю столицу гремела. С такими генами тебе прямая дорога в вокальную труппу. Без тебя ансамбль песни и пляски точно обеднеет.

Сун Чжимин обомлел. Об этом постыдном семейном секрете он сам прознал лишь пару лет назад. Откуда столичный барчук мог раскопать такие подробности?!

Вокруг стояла горячая, скорая на расправу молодёжь. Суть дела они уловили мгновенно: сам из гнилого теста, а корчит из себя праведника, да ещё и родственника топит!

Парни и девчонки в очереди дружно зашумели, сердито тыча в Чжимина пальцами:

— Поглядите на него! У самого рыльце в пуху, а на других лает!

— Своего же брата со свету сжить хотел! Тьфу, пакость какая!

— Бесстыжая гнида!

Оказавшись в центре постыдного скандала, Сун Чжимин почувствовал себя помойной крысой, которую выставили на всеобщее обозрение. Лицо его полыхало от стыда.

— Да ты... ты всё врешь! — дрожащим пальцем ткнул он в сторону кузена.

Сун Чжиши шагнул вплотную и тихо, одними губами, шепнул ему на ухо:

— Думаешь, как мне достался этот бланк? Директор Ли лично его подписал. И к чему были все твои старания?

— Быть не может... — выдохнул пораженный Чжимин. Суны ведь лишились всего, как такое возможно?

Планы Чжимина рушились на глазах. Прежний Сун Чжиши, которого он помнил, был изнеженным барчуком, неспособным за себя постоять. Чжимин надеялся спровоцировать его на драку, чтобы обоих вышвырнули с отбора — так он избавился бы от опасного соперника и расчистил дорогу своей кузине Хэ Цзяоцзяо. Но этот гадёныш вдруг оказался на редкость зубастым.

В этот момент из толпы выступила бойкая, симпатичная девушка:

— Послушай-ка, любезный! Кем бы ни были предки товарища Суна, для нас он прежде всего сын героя. А ты, мало того что скрыл правду, так ещё и собственного брата оболгал при всех! Вот уж чьё поведение заслуживает истинного презрения! Скажите, ребята?

— Точно! Решил чужими руками его загрести!

— Подлец! Таких в шею гнать надо, а лучше сразу в милицию сдать за клевету!

Чжимин надеялся затравить кузена чужими руками, но не учёл, что гнев толпы — оружие обоюдоострое. И теперь этот гнев обратился против него самого.

Покуда на площади разгоралась свара, со стороны входа донёсся зычный, властный окрик:

— Что за балаган вы тут устроили? А ну, соблюдайте порядок!

Толпа послушно расступилась, пропуская плотного, круглолицего мужчину средних лет. Это был не кто иной, как капитан Цуй — руководитель вокальной труппы.

Сун Чжиши помнил его как упрямого, вечно сыплющего лозунгами толстяка, который, кроме своего пения, мало на что был годен. Неизвестно, как долго капитан Цуй наблюдал за этой

сценой из укрытия, поэтому Чжиши предпочёл не лезть на рожон и тихо отступил в тень.

А вот Сун Чжимин воспринял появление начальства как спасительную соломинку. Ухватив руководителя за рукав, он запричитал:

— Товарищ начальник! Этот парень пролез сюда по блату! У него анкета грязная, его и близко нельзя подпускать к ансамблю песни и пляски!

Капитан Цуй, битый жизнью сухарь, на эту дешёвую уловку не повёлся. Нахмурившись, он сурово оборвал крикуна:

— Слушай меня, товарищ. Бросаться обвинениями без доказательств тут не позволено. Ты что же, сомневаешься в честности нашей приёмной комиссии? Ещё один писк, и я велю сдать тебя дежурному патрулю, а там и до милиции недалеко.

Угроза подействовала мгновенно. Мысль о милиции привела Сун Чжимина в ужас: если его заберут, рапорт отправят прямиком деревенскому старосте. Тогда о его позорной выходке раструбят на всю округу.

Покрывшись липким потом от страха, Чжимин поспешно ретировался и затерялся на задворках толпы.

Окинув взглядом притихшую очередь, капитан Цуй громко произнёс:

— Вы все — лучшие люди своих уездов и коммун. Не глупите и не лишайте себя шанса из-за пустых склок.

Отрезвляющая выволочка возымела действие. Очередь послушно выровнялась, и недавняя буря улеглась так же быстро, как и поднялась, оставив после себя лишь лёгкое облачко пыли.

Сун Чжимин лишь бессильно скрежетал зубами, провожая взглядом Сун Чжиши, который спокойно прошествовал мимо него внутрь здания. Ему оставалось лишь бессильно смотреть, как кузен отдаляется всё дальше и дальше.

Когда суматоха улеглась, к нему боязливо подошла кузина, Хэ Цзяоцзяо:

— Братец, ну зачем ты ввязался? Какая ни на есть, а всё ж родня...

Она недовольно надула губы. Из-за выходки Чжимина на неё теперь тоже косились с подозрением, а ведь отбор ещё даже не начался.

— Какая к чёрту родня! — сплюнул Чжимин. — Я всё равно найду на него управу, накатаю донос куда надо! А ты держись от этого выродка подальше, поняла?

Хэ Цзяоцзяо лишь покачала головкой:

— Если он действительно талантлив и мы оба пройдем в танцевальную труппу, то станем коллегами. Зачем мне с ним враждовать?

Хэ Цзяоцзяо не испытывала к Сун Чжиши никакой неприязни и наживать врагов на ровном месте не собиралась.

«Братец мой совсем из ума выжил со своей злобой», — подумала она про себя.

— А если он займёт твоё место? — с досадой прикрикнул Чжимин.

Он ведь помнил, что бабка Чжиши по отцовской линии в молодости слыла великолепной балериной, так что талантом её внук обделён не был и легко мог затмить остальных соискателей.

— Значит, сама виновата, мало старалась, — вздохнула девушка. Заметив, что кузен окончательно рассвирепел, она торопливо добавила: — Спасибо, что проводил. Мне пора.

С этими словами она поспешила примкнуть к вошедшей внутрь группе, словно спасаясь бегством. Чжимин остался один на пустой площади, безмолвно сотрясаясь от ярости.

Тем временем Сун Чжиши вместе с остальными кандидатами ждал своей очереди в просторном холле. Среди сотен претендентов воцарилась напряжённая тишина, однако благодаря недавнему скандалу Чжиши мгновенно стал местной знаменитостью. Он то и дело ловил на себе любопытные, оценивающие взгляды, устремлённые со всех сторон.

Покуда юноша предавался невесёлым мыслям, в передней части очереди вновь поднялся тихий ропот.

<http://bllate.org/book/19670/1960200>